

УДК 811.512.1

О некоторых экзотических особенностях тюркских языков («тюркские чудеса»)

В. Г. Гузев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Гузев В. Г. О некоторых экзотических особенностях тюркских языков («тюркские чудеса») // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 231–245. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.16>

Статья посвящена грамматике современного турецкого языка. На материале современного турецкого языка рассматриваются структурные особенности тюркских языков, которые определяют специфику всех тюркских языков. Тюркские языки анализируются с позиции общего языкознания. Автор привлек для исследования тюркского материала наработки лингвистов-нетюркологов.

Ключевые слова: тюркские языки, грамматика современного турецкого языка, структурная типология языков.

Современное состояние теоретической лингвистики позволяет констатировать, что «морфологическая», точнее, структурная классификация языков мира, сформулированная братьями Августом (1767–1845) и Фридрихом (1772–1829) Шлегелями, а также Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835), вполне справедливо отвергаемая за предвзятое отношение к языковым типам («...чтобы как раз “наши” языки получали при оценке лучшую отметку») [1, с. 179], как и за представление о связи строя языков со стадиями человеческого мышления, оказалась приемлемой как учение о четырех глобальных структурных языковых типах: агглютинативном, аморфном, инкорпорирующем и флективном¹.

Структурная типология языков Шлегелей и Гумбольдта была воспринята и развита, например, в работах горячего поклонника идей И. А. Бодуэна де Куртенэ Г. П. Мельникова (1928–2000). Им предложено глубокое истолкование каждого из языковых типов,

---

¹ Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1998. 367 с. С. 59–77.

вскрыта сущность, сформулированы объективные коммуникативные условия возникновения каждого из них [2, с. 89–141]. Что же касается самих перечисленных терминов, то их употребление стало общепринятым.

Агглютинативными (от агглютинация, лат. *ag-glütinatio* — приклеивание) суффиксальными принято называть языки, характерным признаком которых является способ оперативного грамматического преобразования облика слова в речи, заключающийся в присоединении к концу корня-основы и далее по мере необходимости друг к другу словообразовательных и/или словоизменяемых аффиксов (точнее, суффиксов), которые в подавляющем большинстве являются однозначными.

Когда университетский преподаватель знакомит студентов-новичков, будущих коллег, носителей, как правило, индоевропейских языков, с особенностями тюркских языков, он обыкновенно, вызывая интерес, а иногда и изумление слушателей, сообщает, что:

- в тюркских языках редко встречаются исключения из правил;
- в тюркской морфологии отсутствует форма единственного числа;
- союзы являются преимущественно заимствованными из других языков, также устроенных так, что не нуждаются в союзах, а наличествующие в них ныне союзы или заимствованы из других языков, или возникли под влиянием таковых;
- в речи на тюркских языках наблюдается удивительное явление — уподобление звуков в пределах слова или словоформы, именуемое сингармонизмом.

Причина малого количества исключений была открыта Г. П. Мельниковым. Носители флективных языков с детства усваивают подавляющее большинство словоформ, которые пребывают в их языковой системе в готовом виде (например: есть лёд, нет льда, по льду, на лёд, подо льдом, о льде). Носитель флективного языка при построении высказываний вводит в речь готовые, «воспроизводимые» (Г. П. Мельников) словоформы. Этой особенностью флективных языков объясняется, например, наличие в них так называемых супплетивных форм, например: *один ~ первый, два ~ второй, ходил ~ шёл*. Носитель же агглютинативного языка поступает совсем иначе: словоформы он производит в процессе порождения высказывания и не в языковой системе, а в речи, то есть последовательно

«приклеивает» к основе слова в определенном порядке словообразовательные и/или словоизменительные аффиксы. Словоформы флективных языков Г. П. Мельников называет воспроизводимыми, избираемыми, селекционными, а производимые в речи единицы агглютинативных языков — коллекционными [3, с. 298–301; 2, с. 338–341].

Турецкий пример словообразовательной операции: *yol* ‘дорога, путь’ → *yol+cu* ‘путник’ → *yol+cu+luk* ‘путешествие’. Далее могут совершаться словоизменительные действия для передачи служебной информации (о свойствах или связях называемого элемента): *yol+cu+luk* ‘путешествие’ → *yol+cu+luk+lar* ‘путешествия’ → *yol+cu+luk+lar+imiz* ‘наши путешествия’ → *yol+cu+luk+lar+imiz+da* ‘в наших путешествиях’. Имеется также морфологическая возможность оперативно преобразовать представляемый последней приведенной словоформой обстоятельственный смысл (где) в призначный (какой) путем добавления аффикса *-ki* (средство вторичного представления, вторичной репрезентации в речи уже выраженного обстоятельственного смысла в другой ипостаси — признака или предмета): *yol+cu+luk+lar+imiz+da+ki* ‘**такой, который** имеет место в наших путешествиях’ или ‘**тот, который** заключается в наших путешествиях’. Отметим, что подавляющее большинство агглютинативных аффиксов однозначно. Это является одной из причин появления в речи длинных словоформ. Примером пространной словоформы может служить турецкое высказывание, приводимое Луи Базеном: *Türk+leş+tir+eme+tirdik+ler+imiz+den mi+siniz?* [4, p. 16] / ‘Не из тех ли Вы, кого нам не удалось отуречить?’. Результаты словообразовательных операций (вполне естественно, чаще словоизменительных) закрепляются в языковой системе и пополняют «словарь» конкретного агглютинативного языка. Поэтому тюркологи нередко предпочитают вместо термина «словообразование» употреблять термин «лексемообразование», подчеркивая тем самым, что операция может производиться как в речи, так и в языковой системе. При этом, разумеется, не игнорируется способность к лексикализации и словоизменительных образований (в особенности падежных и залоговых словоформ), которые создаются преимущественно в речи.

Нетрудно понять, что условием безупречных агглютинативных лексемообразовательных и словоизменительных операций является использование в речевом потоке стандартных основ и показателей, допускающих лишь ограниченное, выполняющее определенные коммуникативные задачи варьирование, о котором будет идти речь

ниже, в связи с уподоблением гласных и согласных звуков в словах и словоформах тюркской речи.

Исключения, наблюдаемые в тюркских языковых системах, чаще всего являются следствием иноязычного влияния, заимствования лексики или перестройки языковой системы при изменении условий коммуникации, в частности перехода коммуникативной общности от кочевого к оседлому образу жизни (в первую очередь речь идет о приобретении агглютинативными языками свойств языков флективных).

Отсутствие в тюркских языках морфологического единственного числа. Существительное в речи без аффикса множественного числа ничего не сообщает слушающему о количестве предметов [5, с. 98–111]. Следствием того, что в языках «индоевропейской системы» (А. Мейе) употребление морфологических категорий обязательно [6, с. 83], общаясь, например, по-русски, мы не сомневаемся, если слышим высказывания типа *У нас есть коза, Купи мне лимон, Продай мне банан*, что речь идет о предметах в количестве одного. Если же такие высказывания произносятся по-турецки, собеседник скорее всего спросит: «Сколько?» Например: “*Ne+yin var?*” — “*Yumurtta+m var*” (*Vasif Öngören*). «Чем ты торгуешь?» — «**Яйцами**»; *Utanmaz adam+ın birisin*. (*Nazım Hikmet*) «Ты один из **бесстыжих людей**»². Выделенные в примерах слова называют в качестве смыслов множества предметов, однако последнее оставлено без выражения.

Принципиальное отсутствие у тюркских языков потребности в союзах. Что касается этого явления, то его легко можно понять, даже оперируя только материалом индоевропейских (флективных и аморфных) языков, в которых имеются отглагольные лексемы (существительные, прилагательные, наречия) и глагольные именные формы (имена действия, причастия, деепричастия).

Последние трактуются автором настоящей работы как формы вторичной репрезентации, или вторичного гипостазирования (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция).

Под первичной репрезентацией, или гипостазированием, понимается способность человеческого сознания воспринимать посредством языка какое-либо явление реальной действительности в образе одного из знаменательных частеречных значений (предмета, признака, обстоятельства, конкретного количества или действия)

² Подробнее см.: Гузев В. Г. [7, с. 46–47].

и наделять это явление в полученной ипостаси самостоятельным, отличным от образов других явлений существованием в языке в качестве самостоятельного лексического значения [8, ss. 23–25].

Как вторичную репрезентацию, или вторичное гипостазирование, нами предложено трактовать результаты производимых человеческим мышлением стандартных мыслительных операций по представлению одной семантики (значения или смысла) посредством или в образе другой семантики. В частности, какое-либо явление, первично воспринятое носителями языка как обстоятельство (например, *завтра*) может быть преобразовано в признак (*завтрашний*). Наиболее распространенным примером вторичной репрезентации является представление глагольного значения, то есть действия (скажем, *писать, говорить*), в образе:

- 1) предмета, что передается существительными (*писание, говорение* и т. п.) или глагольными формами имен действия, о которых речь пойдет ниже;
- 2) признака, что означается отглагольными прилагательными (*написанный, сказанный*) или причастиями типа *пишущий, говорящий*;
- 3) обстоятельства, что закреплено в значениях отглагольных наречий (*нехотя, нечаянно*) или форм деепричастий типа *говоря, думая, написав, поговорив* [7, с. 119–121, 153–154].

Так, например, русское высказывание *Ваш приезд меня обрадовал*, в котором не использован союз, передает тот же смысл, что и высказывание *Я рад, что вы приехали*, содержащее союз. Но русские отглагольные существительные не могут трактоваться как глагольные формы, поскольку они не имеют категорий вида и залога [9, с. 101–104]. В то время как английская глагольная именная форма, едва ли удачно именуемая герундием³, способна передавать «опредмеченное»⁴ действие (*I don't know why she did not like my saying that. (Louise)*)⁵ «Не знаю, почему ей не понравилось, что я это сказал»),

³ Подробнее см.: [7, с. 176–177].

⁴ В качестве прецедентов употребления термина «опредмечивание» можно упомянуть выражение «опредмечивание процесса» у А. М. Пешковского [10, с. 141–142]. Ср. также формулировку В. В. Виноградова: «Субстантивация действия, его “опредмечивание” парализуют грамматические свойства глагола» [9, с. 102].

⁵ Все приводимые в статье английские примеры взяты из рассказов Сомерсета Моэма.

не превращаясь при этом в существительное, и, как можно судить по приведенному примеру, участвует в построении конструкций, не нуждающихся в союзах. Русские отглагольные существительные имеют значения действий, представляемых как предмет («опредмеченные» действия), то есть представляют собой одну из разновидностей языковых средств вторичной репрезентации, или вторичного гипостазирования.

Тюркские имена действия (турецкие формы *-mAk*, *-mA*, *-(y)Iş*), то есть субстантивные формы глагола, обладающие целым рядом признаков, исключаящих их трактовку как существительных (например, обладание категориями залога, статуса (формы отрицания, возможности, невозможности), аспектуальности (формы с видовыми значениями или значениями способа протекания действия)) представляют собой одну из глагольных категорий вторичной репрезентации. Они употребляются в субстантивных синтаксических функциях и обслуживают смыслы, для выражения которых в индоевропейских языках используются союзы в сложноподчиненных предложениях. Например, если передается дополнительный (объектный) смысл (*Я хочу, чтобы ты не приходил*), в турецком языке для этого используется имя действия с морфемой: *-mA* в отрицательной форме морфемами принадлежности 2-го лица единственного числа (*-n*) и винительного падежа: *Senin gel+me+me+n+i istiyorun*. Носитель флективного языка, говоря по-турецки и выражая смысл типа *чтение книги* или *строительство дома*, часто не подозревает, что в подобных словосочетаниях русским словам *чтение* и *строительство* в турецкой речи нередко соответствуют не существительные, а глагольные субстантивные словоформы, содержащие показатели страдательного залога: *kitabın oku+n+ma+sı, evin yap+ıl+ma+sı*.

Русские причастия обладают глагольными категориями залога и вида, что позволяет не сомневаться в том, что они являются не лексемами/словами, а глагольными словоизменительными формами. В значении причастия явление реальности, первично истолкованное как действие, вторично представляется как признак (*ребёнок, который спит ~ спящий ребёнок*). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что по-русски один и тот же квалифицирующий смысл может передаваться как конструкциями с участием союзов, так и посредством причастий, то есть глагольных адъективных форм.

Английский герундий, делающий в ряде случаев ненужным употребление союза, также употребляется в адъективной функции

(...presently I received from her another **letter saying** that she was passing through Paris... «...теперь я получил от нее другое письмо, которое сообщало, что она едет через Париж...»; ...on the following Thursday (The luncheon) «в следующий четверг».

В большинстве тюркских языков причастия отсутствуют. В турецком языке имеются три собственно причастных глагольных формы (с морфемами $-(y)an$, $-mIş$, $-(A)r$): $koş+an kız$ ‘бегущая девочка’, $uykuya dal+mış çocuk$ ‘уснувший ребёнок’, $çal+ar saat$ ‘способные звенеть часы (будильник)’.

В тюркских языках имеются также глагольные субстантивно-адъективные формы (> «сафы»). В турецком языке это формы с морфемами: $-DIk$, $-(y)AcAk$, $-(y)AsI$, способные передавать как определенное действие ($gel+diği+nizi biliyoruz$ ‘мы знаем, что вы приезжаете / приехали’, $gel+eceğ+inizi biliyoruz$ ‘мы знаем, что вы приедете’), так и действия, представляемые как признаки ($oku+duğ+umuz kitap$ ‘книга, которую мы читаем’, $oku+yacak kitap / oda / vakit / sebep / hal / öğrenci$ и т. п. ‘книга, предназначенная для чтения / комната, в которой читают / время для чтения / причина, по которой читают / состояние, в котором читают / студент, который будет читать’). Функционирование этих глагольных форм в речи как для передачи определенного действия, так и действия в образе признака уподобляет их, правда не полностью, английскому герундию с суффиксом $-ing$, которое Джон Лайонз, пользуясь примерами Ноама Хомского, трактует и как причастие (*Flying planes are dangerous*. «Летающие самолеты опасны»), и как «слово, производное от глагола и употребляемое как существительное» (*Flying planes is dangerous*. «Летать (букв. «летание») на самолетах опасно» [11, с.264–265]. Сходство тюркских сафов с английским герундием не может признаваться полным, поскольку последний способен передавать еще и действие, представляемое как обстоятельство: *One should always get up from a meal **feeling** one could eat a little more*. «Человек всегда должен вставать из-за стола, **чувствуя**, что мог бы съесть немного больше»; *I answerd, **thanking** her...* «Я ответил, выразив ей благодарность...» (The luncheon). В этих примерах словоформа с суффиксом $-ing$ недвусмысленно употреблена для представления действия как обстоятельство.

Обратим внимание на то, что и причастия, и субстантивно-адъективные глагольные формы значительно уменьшают коммуникативную потребность в союзах.

Специализированными языковыми средствами представления действий как обстоятельств каких-либо событий являются деепричастия, в значительной мере уменьшающие языковые средства в союзах. Категория деепричастий (адвербиальных, обстоятельственных форм глагола) в европейских языках представлена слабо. Она часто трактуется как функция причастия. В современном русском языке имеются две, в болгарском — всего одна деепричастная форма. В английском языке речь может идти только об адвербиальном употреблении герундия. Языковые средства немецкого и французского языков, которые передают действия в роли обстоятельства, вполне могут трактоваться как причастия, употребляемые в обстоятельственной функции. Представление о деепричастии сформировалось на материале индоевропейских (преимущественно флективных славянских) языков. Скудость индоевропейского материала не могла не стать причиной ошибочного приписывания деепричастиям свойств, которые у них отсутствуют.

Обычно деепричастие понимается как инфинитная или неличная глагольная форма, выражающая второстепенное действие, подчиненное действию, называемому другой глагольной словоформой, выполняющей синтаксическую функцию сказуемого: *Jean a vu Marie en sortant del'éecole*. «Выходя из школы, Жан увидел Мари»⁶.

Трактовка деепричастия как непременно инфинитной формы представляет собой не более чем констатацию факта отсутствия в индоевропейских языках адвербиальных финитных форм. Хотя это представление должно вызывать сомнение уже потому, что ничто не мешает в речи на любом индоевропейском языке употреблять в одном высказывании финитную форму в сочетании со служебным словом (скажем, с союзом), называющим обстоятельство (*Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел...* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. четвертая, строфа XIII)). В речи на агглютинативном языке и аффикс финитной формы (наклонения, времени...), и аффикс, называющий обстоятельство, находятся в одной цепочке, в одной словоформе (*Vali Bey'e söyle+se+niz...* «когда/если вы обращаетесь к Вали Бейю»⁷).

Вызывает сомнение и непогрешимость утвердившегося в тюркском языкознании понятия «условное наклонение». Если наклоне-

⁶ См., например: [12, с. 239] и др.

⁷ Цит. по: Türkçe Sözlük. 1. A — J. Ankara, 1998. S. 1092 (под словом *inzibat*).

ние — это категория, имеющая своим значением модальность, то условие следовало бы признавать модальностью. Однако и здравый смысл, и материал разных языков (например, немецкий союз *wenn* ‘когда, если’, узбекская форма с морфемой *-sa/-se* ‘когда, если’, отсутствие в турецком языке лексемы со значением «обстоятельство») порождает сомнение в правомерности понятия «объективная модальность» и, следовательно, в правомерности признания глагольных форм со значением условия категорией наклонения. Добавим, что семантика «условие» родственна образам таких явлений, которые объединяются понятием «обстоятельство» (сопутствующее явление), кроме того, условие как значение формы трудно поддается трактовке в качестве разновидности модальности, поскольку модальные значения отражают субъективные состояния или отношения коммуникантов. В таком случае правомерно трактовать как деепричастие и финитную, и даже личную глагольную форму, означающую обстоятельство.

Материал тюркских языков, в которых количество деепричастных форм весьма велико (в турецком языке их более 60) [13, с. 90–196], подтверждает, что деепричастие совсем не обязательно должно быть инфинитной формой. Имеются деепричастия не только в финитной форме, являющейся средством выражения смысла в виде суждения (*kalkar kalkmaz* ‘как только встал’), но и в личной форме, обладающей формоизменительным механизмом представления субъекта (предмета мысли) значением лица (*спрягаемая форма -DI...-(y)All* ‘с тех пор как’: 1) ***Kendini bil+di bil+eli durgun bir göl gibiydi Ella Rubinstein’in hayatı.*** (*Elif Şafa. Aşk*) «С тех пор как она себя помнит, жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро»).

Утверждение о том, что деепричастие есть «форма, выражающая второстепенное действие», представляется сомнительным, не имеющим отношения к сущности понятия «деепричастие». Речь идет, скорее всего, только лишь о субъективном предположении, опирающемся на то, что в речи на индоевропейском, в частности на русском, языке в составе обстоятельственных конструкций деепричастная словоформа представляет уточняющее действие, а уточняемое действие чаще всего называется финитной словоформой, выполняющей функцию сказуемого, признаваемого одним из главных членов предложения. Но даже в русской речи деепричастие не всегда уточняет действие, которое называется сказуемым: *Она бродила по магазину, покусывая что попало не торгуясь*. Можно обратить-

ся и к А. С. Пушкину: вспомним обстоятельственную конструкцию «наслаждаясь не любя» в тексте «Евгения Онегина» (Гл. четвертая, строфа VII). А в словах Ф. И. Тютчева «И солнце медлило, **прощаясь** с холмом и замком и с тобой» едва ли действие «прощаться» справедливо трактовать как второстепенное.

В речи на агглютинативном языке уточняемые (главные) компоненты обстоятельственных конструкций выступают не только в функции предиката или сказуемого, но и в функциях других членов предложения⁸.

Турецкие обстоятельственные конструкции нередко именно в форме деепричастия в функции уточняющего называют главное действие, а второстепенное действие, называемое уточняемым, в диахронии способно превращаться в служебное (*ver+ebildim* ‘я мог дать’), а само уточняемое нередко преобразуется в аффикс (*ver+i+yor+um* ‘я даю’) < *ver+i yori+r+tan*; в XIII веке глагол *yori-* означал ‘идти, шагать’).

Таким образом, оправданно признавать, что обращение к языкам с многочленной категорией деепричастий не подтверждает тезис о второстепенности действия, представляемого в речи деепричастными словоформами.

Убедительной, отражающей сущность обстоятельственных форм представляется позиция В. В. Виноградова, который трактует русские деепричастия как «гибридную наречно-глагольную категорию», тяготеющую к наречиям [9, с. 308]. Тяготение деепричастия к наречиям, очевидно, объясняется общими коммуникативными свойствами тех и других, в первую очередь близостью значений и подобием передаваемых в речи смыслов: наречия означают обстоятельства, а деепричастия представляют собой глагольные формы, которые означают действия, выступающие в роли обстоятельств.

Тюркский сингармонизм. Внимание исследователей индоевропейских языков (например, А. И. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, Н. С. Трубецкого, А. А. Реформатского) нередко привлекал и привлекает тюркский сингармонизм, то есть уподобление звуков речи в пределах тюркского слова или тюркской словоформы.

Понятие «сингармонизм» отражает четыре ассимилятивных явления в турецком языке: 1) нёбную гармонию гласных, 2) губную

⁸ См.: [7, с. 175–176].

гармонию гласных, 3) гармонию согласных и 4) артикуляторное воздействие гласных на качество согласных звуков.

Нёбная (палатальная) гармония гласных представляет собой прогрессивное уподобление гласных звуков не первых слогов тюркского (!) слова или словоформы гласному первого слога в зависимости от того, артикулируются ли гласные звуки в задней части нёба (заднерядные [a], [ɪ], [o], [u]) или в передней (переднерядные [e], [i], [ö], [ü]), например: *ot+lar+imiz+da* ‘в наших травах’, но *köy+ler+imiz+de* ‘в наших сёлах’.

Губная (лабиальная) гармония гласных — уподобление узких гласных ([ɪ], [i], [u],[ü]) гласным предшествующих слогов по признаку губности/негубности: *köy+ümmüz+de* ‘в нашей деревне’, *oğl+unuz+da* ‘у вашего сына’, *ev+ler+imiz+de* ‘в наших домах’ *at+lar+ımız+da* ‘у наших лошадей’, (в примерах выделены участки словоформ, на которых проявляется губная гармония гласных). Некоторые авторы понимают губную гармонию так же, как и нёбную. Поэтому важно обратить внимание на то, что, во-первых, губной гармонии подвержены только узкие гласные ([ɪ], [i], [u],[ü]), во-вторых, не имеет значения, является ли гласный предшествующего слога начальным или не начальным (*oda+mız+da* «в нашей комнате»), и в-третьих, что такие слова или словоформы, в которых губной гласный предшествует широкому негубному [a] или [e], не имеют отношения к губной гармонии гласных (*uzak* ‘далёкий’, *yüksek* ‘высокий’, *ot+lar* ‘травы’)⁹.

Губная гармония гласных возникает позже палатальной. В турецком языке она начинает развиваться в османский период с XV в. В письменных памятниках староосманского периода (XIII–XV вв.) она попросту еще отсутствует. Анатолийско-тюркские слова и словоформы, как, например: *dogrı* ‘прямой, правильный’, *eyü* ‘хороший’; *kız+ım* ‘моя дочь’, *bil+ür* ‘зная’, *eyle+dün* ‘ты сделал’, *ol+dı* ‘он стал’, *öl+di* ‘он умер’, в результате развития губной гармонии в последующие века приняли облик: *doğru*, *iyi*; *kız+ım*, *bil+ip*, *eyle+din*, *ol+du*, *öl+dü vb*. В некоторых тюркских языках, например в киргизском и якутском, губная гармония гласных воздействует и на широкие негубные гласные: *coldoş* ‘товарищ’ (киргизск.), *köbölök* ‘мотылёк’ (киргизск.); *оголор* (< *ого* + *лор*) ‘дети’ (якутск.), *олордор* (< *олор* + *дор*) ‘если он живет’ (якутск.).

⁹ Ср.: [14, с. 35–38; 15, s. 8].

Гармония согласных — уподобление начальных смычных переднеязычных [t] ~ [d], среднеязычных [ç] ~ [c] и заднеязычных [k] ~ [g] согласных словообразовательных и словоизменительных аффиксов конечным фонетически звонким звукам основ (то есть включая сонанты [m], [n], [r], [l] и гласные) по признаку фонетической глухости / звонкости (*yap+tim* ‘я сделал’, *at+tan* ‘с коня’, *tas+ta* ‘в чашке, в миске’, *aş+tan* ‘от еды’, *balık+çı* ‘рыбак’, *unut+kan* ‘забывчивый’, *kum+dan* ‘от песка’, *al+dım* ‘я взял’, *av+cı* ‘охотник’, *dag+da* ‘на горе’, *süz+geç* ‘цедилка, ситечко’, *ay+dan* ‘с луны’).

К числу явлений, составляющих турецкий сингармонизм, относится также воздействие гласных на качество реализации, на место артикуляции в речи согласных фонем. При построении слов и словоформ дифференциальные признаки гласных (в частности, палатальность ~ веларность, губность ~ негубность) оказывают непосредственное влияние на артикуляцию соседнего с гласным звуком согласного. Особенно отчетливо различаются соответствующие звуки, реализации согласных фонем /g/, /k/ и /l/, что дает основание некоторым авторам, носителям русского языка, ошибочно трактовать эти звуки речи как соответствующие заднерядные и переднерядные фонемы: /ğ/ и /g/, /q/ и /k/, /l/ и /l/. Однако такое решение противоречит третьему правилу Н. С. Трубецкого, согласно которому, если пара артикуляторно и акустически родственных фонем никогда не встречается в одной и той же позиции (иными словами находится в отношении дополнительного распределения), то они являются комбинаторными вариантами одного и того же звукопредставления носителя языка, то есть одной и той же фонемы [16, с. 56–57]. Таким образом, речь должна идти не о шести, а о трех вышеупомянутых фонемах, реализуемых в речи разными звуками (аллофонами): заднерядным [ğ] (как в слове *yangın* ‘пожар’) и переднерядным [g] (*göl* ‘озеро’), заднерядным [q] (*kol* ‘рука’) и переднерядным [k] (*kül* ‘зола, пепел’), заднерядным [l] (*olmak* ‘быть’), переднерядным [l] (*öl-* ‘умирать’).

Сингармонизм выполняет в агглютинативных языках в основном те же функции, что и ударение во флективных языках. В первую очередь речь идет о конституирующей и разграничительной функциях [1, с. 34–35; 16, с. 36–37]. Как «фундаментальное структурно-типологическое явление» (А. А. Реформатский) сингармонизм тесно связан с механизмом агглютинации; выделяет каждое слово или словоформу, консолидирует и отграничивает их от других лексических и морфологических единиц речи [3, с. 298–301; 17, с. 101–105].

В заключение отметим, что, как показывает опыт, 1) описание строя тюркских языков в имеющихся грамматических сочинениях тюркологов преобладает индоевропейское, а значит, неадекватное истолкование фактов; 2) изучение материала неиндоевропейских языков является весьма полезным для выявления устоявшихся ошибочных представлений теоретического языкознания, для уточнения, совершенствования понятийного аппарата теории грамматики с целью достижения его универсальности, пригодности для анализа материала языков всех систем.

Литература

1. *Бодуэн де Куртэнэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.
2. *Мельников Г. П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 399 с.
3. *Мельников Г. П.* О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Наука 1965. С. 298–301.
4. *Vazin L.* Structures et tendances communes des langues turques (Sprachbau) Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomus Primus. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1959. P. 11–19.
5. *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98–111.
6. *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков [Текст] / пер. с 5-го франц. изд. Н. А. Сигал; под ред., с предисл. и примеч. проф. *В. М. Жирмунского*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 168 с.
7. *Гузев В. Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 320 с.
8. *Leisi E.* Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2. Erweiterungsaufgabe. Heidelberg, 1961.
9. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
10. *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1938. 452 с.
11. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 540 с.
12. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1979. 304 с.
13. *Дениз-Йылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. 218 с.
14. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. 570 с.
15. *Kaya G. İ., Öztürk C., Yılğör, A., Altun N., Selimhocaoğlu D. B.* Türk Dili. I. Ders Notları. İstanbul: Boğaziçi Üniversitesi, 1997. 335 s.

16. Трубецкой Н. С. Основы фонологии [Текст] / пер. с нем. А. А. Холодовича; Ред. С. Д. Кацнельсона; Послесл. А. А. Реформатского. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
17. Реформатский А. А. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики // Тюркологические исследования. Сб. статей, посвященный 80-летию акад. К. К. Юдахина / отв. ред. Б. М. Юнусалиев. Фрунзе: Илим, 1970. С. 101–105.

Контактная информация:

Гузев Виктор Григорьевич — д-р филол. наук, проф.; v.guzev@spbu.ru

About some exotic features of Turkic languages («Turkic miracles»)

Viktor G. Guzev

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Guzev V.G. About some exotic features of Turkic languages («Turkic miracles»). *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S.Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp.231–245. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.16> (In Russian)

The article is devoted to the grammar of modern Turkish language; on the basis of the modern Turkish language are considered structural features of Turkic languages, which determine the specificity of all the Turkic languages; Turkic languages from the position of General linguistics; attracted for research in the Turkic material developments linguists naturalhow.

Ключевые слова: тюркские языки, грамматика современного турецкого языка, структурная типология языков.

References

1. Boduen de Kurtene I. A. *Selected Works on General Linguistics*. Vol. II. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963. 391 p. (In Russian)
2. Mel'nikov G. P. *System Typology of Languages. Principles, Methods, Models*. Moscow, Nauka Publ., 2003. 399 p. (In Russian)
3. Mel'nikov G. P. *About the Relationship between Agglutination and Synharmonism*. Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikacii yazykov. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp.298–301. (In Russian)
4. Bazin L. *Structures et Tendances Communes des Langues Turques (Sprachbau) Philologiae Turcicae Fundamenta*. Tomus Primus. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag GMBH, 1959, pp. 11–19.
5. Guzev V.G., Nasilov D.M. On the Interpretation of the Category of the Number of Nouns in the Turkic Languages. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1975, no. 3, pp.98–111. (In Russian)

6. Meje A. *The Main Features of the Germanic Group of Languages*. Rus. Ed. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 1952. 168 p. (In Russian)
7. Guzev V.G. *Theoretical Grammar of the Turkish Language*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2015. 320 p. (In Russian)
8. Leisi E. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. 2. Erweiterte Auflage. Heidelberg, 1961.
9. Vinogradov V.V. *Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p. (In Russian)
10. Peshkovskii A.M. *Russian Syntax in Scientific Lighting*. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo, 1938. 452 p. (In Russian)
11. Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Rus. Ed. Moscow, Progress Publ., 1978. 540 p. (In Russian)
12. Gak V.G. *Theoretical Grammar of French. Morphology*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 304 p. (In Russian)
13. Denise-Yilmaz O. *Category of Action Nominalization in Turkish*. Rus. Ed. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2006. 218 p. (In Russian)
14. Kononov A.N. *Grammar of modern Turkish Literary Language*. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. 570 p. (In Russian)
15. Kaya G. İ., Öztürk C., Yilgör A., Altun N., Selimhocaoğlu D.B. *Türk Dili. I. Ders Notları*. İstanbul, Boğaziçi Üniversitesi, 1997. 335 p.
16. Trubeczkoi N.S. *Fundamentals of Phonology*. Rus. Ed. Ed. S.D.Kacznel'sona. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1960. 372 p. (In Russian)
17. Reformatskii A. A. *Singarmomism as a problem of phonology and general linguistics*. Tyurkologicheskie issledovaniya. Sb. statei, posvyashhennyj 80-letiyu akad. K. K. Yudaxina. Ed. B. M. Yunusaliev. Frunze, Ilim Publ., 1970, pp. 101–105. (In Russian)

Author's information:

Viktor G. Guzev — Dr. Sci. in Philology, Professor; v.guzev@spbu.ru